

А.И. Свирский

РЫЖИК

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 84-4
А11

А11 **А.И. Свирский**
Рыжик / А.И. Свирский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 216 с.

ISBN 978-5-4241-1420-5

В повести русского советского писателя А. И. Свирского (1865-1942) отражена нищая, бесправная жизнь низов царской России - босяков, ремесленников, беспризорных детей. Повесть написана в 1901 году. Для детей младшего школьного возраста.

ISBN 978-5-4241-1420-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© А.И. Свирский, 2022

Алексей Иванович Свирский
Рыжик
(повесть)

Часть Первая

I

Откуда взялся Рыжик и кто его приютил

Птицы еще спали, когда Аксиныя вышла открывать ставни. Молодая женщина тихо скрипнула в сенях дверьми и перешагнула порог.

Солнце еще не взошло, но рассвет уже был близок. На востоке небосклон окрашивался в золотисто-сиреневый цвет. Звезды быстро гасли одна за другой. Береговая улица, или, как ее иначе называли, Голодаевка, спала крепким сном. Улица эта была застроена с одной только стороны, другая же сторона представляла собой высокий крутой обрыв, спускавшийся к реке.

Аксиныя, прежде чем открыть ставни, перешла босыми ногами пыльную немощеную улицу и остановилась на краю речного обрыва. Над рекой медленно расплывались серые клочья тумана. Маленькие, хилые домишки тесной ломаной шеренгой толпились на краю обрыва.

Хозяева этих хижин хотя и называли себя домовладельцами, но были бедняками родовитыми: бедность, нужда и всякие невзгоды переходили к ним из рода в род, как переходят к богатым громкие титулы или миллионные наследства. На Голодаевке никто не мог похвастать ни богатым дедушкой, ни промотанным именем.

Бедность жила здесь с незапамятных времен, так что голодаевцы давно уже привыкли к своей нужде, как негры привыкли к тропическому зною или как эскимосы — к жестокому морозам.

Не богаче других была и Аксиныя, жена Тараса Зазули. Муж ее хотя и был по ремеслу столяр и гробовщик, но денег у него никогда почти не было. Единственно, когда Зазули считали себя богачами, — это только во время Проводской или Успенской ярмарок, когда Тарас продавал партиями столы и табуреты, заранее заготавливаемые им в своей мастерской.

В последние дни Тарас был занят именно этим делом. До ярмарки оставалось немного, и он очень спешил.

Просыпался Зазуля раньше обыкновенного и работал до глубокой ночи. Вот почему жена его в тот день, когда начинается наш рассказ, так рано вышла открывать ставни.

Зазулиха (так за глаза называли соседки Аксиныю) постояла с минуту на берегу, бросила сонный взгляд на небо, громко зевнула, перекрестила рот и направилась к своей хате.

Она стала открывать ставни. Всех окон в доме Зазулей было три. Молодая женщина открыла ставни, прикрепила их веревочками к стене, чтобы ветер ими не хлопал, и направилась было в хату, как вдруг услышала чьи-то тихие, жалобные стоны. Смуглое, загорелое лицо Аксиныи вытянулось от удивления и любопытства.

— Ой, ой, ой!.. — стонал кто-то за домом.

Аксиные показалось, что стонет женщина. Несколько секунд прислушивалась она к странным звукам, пугливо озираясь по сторонам. Но вокруг не было ни одной живой души. Наконец Аксиныя победила страх, и когда стоны особенно

усилились, она подобрала ситцевую юбку и бросилась бежать, перепрыгивая через бурьян и крапиву, росшие около дома, в ту сторону, откуда слышались стоны. Акинья скрылась. Наступила тишина. Спустя немного Зазулиха с искаженным от страха лицом выбежала из-за угла дома и бросилась прямо в хату.

Тарас стоял перед верстаком и налаживал доски. Его громадная наклоненная фигура занимала чуть ли не половину комнаты. Одет он был в широкие шаровары и серую рубаху, а на босых ногах — мягкие самодельные шлепанцы.

— Тарас, выйди скорей на улицу! — крикнула запыхавшаяся Акинья, вбежав в мастерскую.

Лицо у нее было бледное, испуганное. Она вся дрожала.

— А что я там забыл, на улице?.. — проговорил равнодушным тоном Тарас, не отрываясь от дела.

— Иди скорей, иди же, говорю тебе... Посмотри, что случилось! — воскликнула Акинья.

— А что случилось? Курица удушилась?.. — засмеялся Зазуля.

— У, каменный ты человек!.. — озлилась жена. — Выйдешь ли ты из хаты, аль нет?

— Как не выйти... От бабьего крика не только что из хаты, а из кабака и то выйдешь, — сказал Тарас и, низко наклонив голову, чтобы не стукнуться о косяк, вышел из мастерской.

Акинья забежала вперед.

— Вот здесь, за сарайчиком... Слышишь, стонет? Сюда иди!.. Слышишь?.. — задыхаясь от волнения, шептала Акинья.

Тарас молча следовал за нею, пытая трубочкой, которую он успел закурить по дороге.

— Вот здесь, смотри!.. Слышишь? — шепнула Акинья.

Тарас остановился. Перед ним на траве лежала женщина, а рядом с нею мирно спал завернутый в тряпки крошечный ребенок. Из полуткрытого рта женщины вылетали слабые, хриплые стоны. Голова ее, повязанная темным дырчатым платком, лежала на серой котомке. Бледная, с почерневшими губами, она имела вид умирающей. Глаза ее, неподвижные и как будто стеклянные, были устремлены в одну точку. Одежда ее состояла из грязных бесформенных лохмотьев.

Тарас с Акиньей молча, но значительно переглянулись, когда подошли к умирающей.

— Спроси-ка, кто она и как сюда попала, — тихо сказал Тарас жене.

— Послушай, милая, откуда ты? — приступила к допросу Акинья, наклонившись над больной. — Ты больна? Это твой ребенок?.. Как ты сюда попала?..

Акинья задавала вопрос за вопросом, но ответа не последовало. Незнакомка умирала — это было ясно.

— Я людей позову, — решительно заявила Зазулиха, взглянув на мужа.

— И то правда... Разбуди соседей, а то еще невесть что подумают, — согласился Тарас.

Акинья убежала. Вскоре ее звонкий голос нарушил тишину наступающего утра.

— Выходите!.. — кричала Акинья, стуча в ставни соседних домов.

Минут через десять небольшой дворик Зазулей был полон народа.

Солнце еще не успело взойти, когда неизвестная женщина умерла. В ту самую минуту, когда она испустила последний вздох, проснулся ее ребенок. Он заметался и заплакал. Прибежавшие бабы, у которых были свои дети, услышав голос плачущего ребенка, сейчас же определили, что ему всего три месяца от роду.

Аксинья, отвечая на вопросы, рассказывала, как она встала, как вышла открывать ставни и как услышала стоны.

— Она, стало быть, живая была? — перебивали ее слушатели.

— Конечно, живая, ежели стонала! Мертвые не стонут, — пояснила Зазулиха и продолжала свой рассказ.

А ребенок не переставал кричать, надрывая грудь.

— Его накормить надо, — догадалась одна из женщин и взяла его на руки.

Женщину эту звали Агафья-портниха. Муж ее был портной, человек слабый и пьющий. У Агафьи было пятеро ребят, из них один грудной.

Ребенок, как только очутился на руках у Агафьи, сейчас же замолк и припал к ее груди, точно замер.

— Ишь, как сосет! — удивлялся Тарас, у которого своих детей не было.

— Дитя есть хочет, известное дело... У покойницы, может, и молока-то не было, — хором заговорили женщины, перебивая друг друга.

— Эй, вы, тише, начальство едет! — крикнул кто-то.

Бабы умолкли.

Вдали показался голодаевский городовой, Прохор Гриб, как его прозвали обыватели Береговой улицы. Это был старый отставной солдат, с мягким, точно вымоченным и выжатым лицом. На его сухом отвислом подбородке серебрилась белая щетина давно не бритой бороды. Прохор нюхал табак, и от этого его седые жидкие усы возле носа были покрыты темно-коричневыми пятнами. Сколько ему было лет, он сам не знал. Иногда он говорил, что ему восемьдесят, а иногда утверждал, что ему давно уже стукнуло сто. Городовым он был поставлен с незапамятных времен. Голодаевцы привыкли к Грибу, видя его перед собой всю жизнь, и смотрели на него так, как люди обыкновенно смотрят на речку, что вечно течет по одному и тому же направлению, или на дерево, пережившее несколько человеческих поколений.

— Что здесь такое? — жуя губами, спросил Гриб, подойдя ближе.

— Нищая померла, — ответил Тарас и снова раскурил трубку.

— Человек помер, а тебе курить надо! — упрекнул старик Зазулю и укоризненно покачал головой.

Потом он достал табакерку, воткнул в ноздри две щепотки табаку и громко чихнул.

— Будь здоров, дедушка!..

— Проживи еще двести лет!..

— Раста большой!.. — приветствовали Гриба мальчишки, прибежавшие, как и взрослые, на крик Аксиньи.

— Пошли вон отсюда!.. Я вам!.. — закричал на детей старик и пригрозил им своей шашкой, имевшей такой же древний вид, как и он сам.

— Ой, дедушка, не пужай: со мной родимчик будет! — воскликнул один из мальчишек.

Другие покатались со смеху.

— Эй, вы, чего ржете?.. Проваливайте, пока целы! — крикнул на них Тарас

и топнул ногой.

Ребята мгновенно притихли.

Прохор Гриб подошел к труп женщины и обнажил свою желтую безволосую голову. Издали голова его была похожа на большой бильярдный шар.

В толпе по поводу случившегося стали высказывать всевозможные догадки и предположения. Одни говорили, что покойница — крестьянка и что она умерла с голоду; другие полагали, что она отстала от партии рабочих, что вчера проходила через город; а Арина Брехуха, жена Сидора-печника, толстая плосколицая женщина, известная сплетница, настойчиво утверждала, что покойницу задушили грабители.

— Полно врать, Ариша! — пробовал остановить ее муж, присутствовавший тут же. — От твоей лжи вон, гляди, даже галка на заборе и та покраснела...

— Не галка, а нос твой от водки покраснел, пьяница несчастный! — закричала на мужа жена.

— Да ну вас!.. Что вы, на базаре, что ли — орете-то? — остановил супругов Тарас, а затем, обращаясь к Прохору, проговорил: — Послушай, дедушка, убери ты, пожалуйста, покойницу... Мне некогда: у меня работа спешная.

— Ишь ты, чего захотел! — зашамкал голодаевский городской. — Я, брат, не главное начальство... Тут, хлопче (Прохор всех, и молодых и старых, называл хлопцами), надо, чтобы все по закону вышло... Перво-наперво надо квартально-го, Андрея Андреича, попросить, а он попросит пристава, а пристав попросит доктора, а доктор — следователя, а следователь — прокурора, а прокурор...

— А прокурор, — сердито перебил старика Тарас, — попросит тебя, старого гриба, а ты нос табаком набьешь и чихнешь — покойница, гляди, и воскреснет...

Тарас безнадежно махнул рукой и сам отправился за квартальным. А Прохор Гриб снова зашамкал беззубым ртом, объясняя кому-то закон, но его никто не слушал.

Ребенок только что умершей женщины перешел к Аксинье. Агафья, накормив его, отдала малютку Зазулихе, а сама отправилась домой, к своим детям.

— Вот у тебя нет ребят, возьми этого младенца к себе, — сказала Агафья, когда передавала Аксинье ребенка, — доброе дело сделаешь...

— Что вы, что вы! Где нам чужих кормить? Нам бы самим как-нибудь прожить... — возразила Аксинья, испугавшись слов Агафьи.

В это время ребенок благодаря неумелости молодой женщины высвободился из тряпок, в которые он был завернут, и заиграл крошечными ножками. Аксинья, боясь, чтобы он не выпал из рук, крепко прижала его к груди. Ребенок улыбнулся ей, обнажив беззубые десны. Это был красивый трехмесячный мальчик. Тельце у него было круглое, розоватое. Крошечные ножки и ручки находились в бесперывном движении, большие карие глаза глядели открыто и весело.

— Какой славный мальчуган! — воскликнула одна из женщин. — И не похоже, чтобы мать его больна была... Вишь, какой он плотный да круглый!

— А волосенки-то как быстро у него выросли! — удивилась другая.

— Он рыжий будет, уж теперь и то головка у него будто из красной меди...

— Не прожить ему долго на свете...

— Уж какая жизнь круглой сироты!..

— Чего вы каркаете? Тьфу на вас! — крикнула на болтавших баб Аксинья и отвернулась от них.

Ребенок почему-то сразу стал ей дорог и мил. Полюбила она его в ту самую минуту, когда, трепетно прижавшись к ее груди, он впервые улыбнулся ей беззубым ротиком, устремив на нее большие карие глаза. Этот доверчивый взгляд наивных детских глаз пробудил в молодой женщине неведомое ей до этого чувство материнской любви и нежности.

«А и впрямь, не взять ли его к себе? — мысленно рассуждала сама с собою Аксинья, глазами лаская ребенка. — Попрошу Тараса: он добрый — позволит. Дитя нас не обьест, а вырастет — помощником будет...» Так думала Зазулиха, любуясь крошечным мальчиком.

А Тарас в это время возвращался в сопровождении Андрея Андреича, квартального надзирателя. Они шли вдоль речного обрыва. Андрей Андреич, полный мужчина, с большим круглым животом, был одет в белый китель. Несмотря на то что солнце еще не поднялось из-за рощи, зеленевшей на той стороне реки, Андрей Андреич пыхтел, отдувался и, снимая фуражку, вытирал носовым платком влажный от пота лоб.

— И жарко же сегодня будет! — пробасил квартальный.

— Н-да... Сегодня не холодно... — желая поддержать разговор, сказал Тарас.

— Постой-ка, — вдруг остановил Зазулю квартальный, — посмотрим, кто там рыбу удит. Не Яков ли это Иваныч, наш доктор?

Тарас подошел к самому краю обрыва и посмотрел вниз. Там, недалеко от берега, стоял по икры в воде и удил рыбу какой-то человек высокого роста. Шляпа, сапоги и носки удильщика лежали на берегу, на широком плоском камне.

— Доктор и есть! — подтвердил Тарас, хорошенько взглядевшись в спину рыболова.

— Вот и отлично... Он-то нам и нужен, — сказал квартальный и также подошел к краю обрыва.

— Яков Иваныч! — крикнул он, слегка нагибаясь.

Голос квартального глухими раскатами пронесся над сонной поверхностью реки. Удививший рыбу даже не шелохнулся, точно не его и звали. Резким желтым пятном вырисовывалась его длинная, худая фигура на светлом фоне спокойной реки. Он одновременно удил двумя удочками, и обе руки были у него заняты.

В тот самый момент, когда Андрей Андреич крикнул, Яков Иваныч заметил, что у него клонит, и весь насторожился.

— Яков Иваныч, пожалуйста к нам! — вторично окликнул врача квартальный.

Но ответа не последовало. У доктора оба поплавка запрыгали на воде, и он весь ушел в свое дело. Окрики квартального выводили его из себя, но он молчал: он боялся испугать рыбу.

— Яков Иваныч, мертвое тело усмотрено, пожалуйста! — не унимался Андрей Андреич.

У доктора от злости зеленые круги завертелись перед глазами. «Разгонит, разгонит рыбу мою, негодный толстяк!» — с тревогой в душе подумал Яков Иваныч и хотел было квартальному махнуть рукой, но вспомнил, что руки у него заняты, и решил сделать это иначе. Когда Андрей Андреич в третий раз позвал его, он осторожно поднял из воды одну ногу и задрыгал ею, желая этим жестом дать понять квартальному, чтобы тот убирался. В то самое время, когда доктор жестикнул ногой, клевавшие рыбы, съев приманку, преспокойно ушли.

— Скажите, пожалуйста, господин квартальный, вы клятву дали меня пре-

следовать? — дрожа от негодования, воскликнул Яков Иванович и обернулся лицом к берегу.

— Я по делу... честное слово, по делу!.. Мертвое тело вот у него во дворе усмотрено... — оправдывался Андрей Андреич, указывая на Зазулю.

— Истинная правда — усмотрено! — подтвердил Тарас.

Доктор тяжело вздохнул и стал вытаскивать удочки.

Спустия немного он сидел на камне и, все еще волнуясь, надевал сапоги.

— «Усмотрено»... — ворчал доктор, натягивая на ногу сапог. — А вот у меня окунь был усмотрен, а вы его испугали своим мертвым телом... Нарочно встал до рассвета, чтобы никто не мешал, а тут на, принесла вас нелегкая...

Через минуту доктор оделся, свернул удочки и поднялся наверх. В это время показался пристав, бравый, рослый мужчина, со шпорами и лихо закрученными усами.

О случившемся приставу дал знать квартальный раньше, чем отправиться с Зазулей.

— А вы уже здесь, доктор?.. Здравствуйте, здравствуйте! — приветствовал врача пристав.

— Да, я уже здесь, а вот окунь далече...

— Какой такой окунь?! — удивился пристав.

— Яков Иванович рыбу удили... — пояснил квартальный.

— Ах, вот оно что! — усмехнулся пристав. — Неужто, Яков Иванович, вы не можете отказаться от своей страсти? Помните, в прошлом году, когда вы бултыхнулись в воду в одежде, а вас из реки вытащила моя прачка...

— Что вы этим хотите сказать? — с досадой перебил пристава Яков Иванович.

— А то, что вы тогда слово дали...

— Эти воспоминания никого не интересуют, — пробурчал Яков Иванович.

Пристав улыбнулся, расправил усы и умолк. Так они все молча и дошли до места происшествия.

Толпа, завидя начальство, расступилась и притихла. Пристав, доктор и квартальный подошли к труп женщины. Их встретил Прохор. Старик, не спуская тусклых глаз с пристава, все время отдавал ему честь, держа руку под козырек. При этом он старался как можно больше выпрямить свою сутуловатую, дряхлую фигуру.

— Кто она такая? — спросил пристав, вглядываясь в пожелтевшее лицо покойницы.

— Не могу знать, ваше благородие! — ответил по-военному Прохор.

— Она не здешняя?

— Никак нет, ваше благородие! — отчеканил Гриб.

Толпа с большим интересом следила за всем происходившим. «Вишь, как ловко начальству лепортует... Ай да Гриб!..» — перешептывались голодаевцы, наблюдая за городовым. А ребяташки — те положительно пожирали глазами всю сцену: они всё замечали, всё улавливали. От их зорких глаз ничто не укрылось: ни шпоры пристава, ни его молодецкие усы, ни заплатки на ветхом мундире Прохора, ни тучная, слоновобразная фигура квартального, ни козлиная бородка доктора.

Началось следствие, которое, к слову сказать, ни к чему ни привело. Никто не знал покойницы, и никто не мог удостоверить, откуда она, кто она и отчего